

И.А. Жаворонок

СИСТЕМА ЦВЕТОВЫХ ДЕТАЛЕЙ В РОМАНЕ Л.Е. УЛИЦКОЙ «ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК».

Роман Улицкой – многоступенчатая конструкция, сложно организованная сюжетно и композиционно. Художественный мир романа, несмотря на большое количество персонажей, сюжетных линий, сложную пространственно-временную организацию, отличается стройностью и логикой, точностью словоупотребления, выверенностью каждой детали.

Более чем на пятистах страницах романа «Даниэль Штайн, переводчик» цветовые детали встречаются всего 121 раз. Белый – 20 раз, черный – 25, красный – 25, золотой – 14, зеленый – 7, синий (голубой) – 10, коричневый – 6, рыжий – 7, серый – 7 раза. Это обусловлено жанром романа, в котором «принципиально стёрты грани между подлинной и художественной реальностью»¹, использован приём художественной стилизации документальной прозы, снабжённой псевдодокументами и свидетельствами очевидцев. Но эта «скудость» цвета имеет свою четкую систему, помогающую понять идею романа, его образный мир.

По отношению к миру, определению жизненных принципов и самого смысла жизни героев легко разделить на три группы. Первая – самая многочисленная – люди, живущие в «чёрно-белом» мире. Совсем не обязательно проявление негибкости мышления через белый и чёрный цвет. Цвета могут меняться: белый и красный (русская революция), красный и коричневый (война с фашистами), жёлтый и зелёный (звезда Давида и мусульманское знамя). Главное, что герои ощущают себя частью строго поляризованного мира, в котором есть приверженцы их взгляда на мир и враги (то есть все остальные). Важным для автора является принцип создания цветообозначений, которые «маркируют принадлежность героев к различным уровням бытия»².

Чёрный цвет не является в данном романе контрастом белого, а входит в единый ряд. Используется он в тексте 25 раз и восемь из них в описании одежды людей глубоко верующих: черная шляпа хасида, которого Даниэль везет в своем мотоцикле; черное одеяние матери Аурелии, настоятельницы монастыря «Сестры Воскресения». Жаль только, что вера их иногда приводит к фанатизму, люди утрачивают способность мыслить здраво, идеи для них становятся важнее истины и доброты. Эва в письме к Эстер, рассказывая о посещении Гроба Господня, пишет о толпе «чёрных старух», туристов, служащих,

¹ Шорина Л. www.interfax-religion.ru

² Ивлева Т.Г. Автор в драматургии А.П. Чехова. Тверь, 2001. С. 4

выстраивавшихся в очередь. Их присутствие мешает откровенной «беседе» с Богом. Гершон Шимес присоединяется к группе бородатых евреев в черном, ведущих страшную церемонию проклятия «пульсе де-нура»¹. Заложниками его фанатизма становится семья: погиб один сын, покончил жизнь самоубийством второй.

Жизнерадостная, свежая, дающая человеческой душе успокоение, веру, радость жизни природа эмблематично передаётся зелёным цветом. Гете в «Трактате о цвете» писал, что зеленый лечит глаза и душу человека².

Хильда пишет в своем дневнике об арабской деревне, в которую они пришли с Даниэлем: «Чудесная долина между мрачных гор, все зелено, и даже живой ручеек течет» (231). В одном из писем Хильда приглашает мать в Израиль, мечтая, что та приедет весной: «И хорошо бы, чтобы это было весной, когда все зелено, в полевых цветах – маках, диких ирисах и дикой горчице» (348).

Сама Л. Улицкая в письме Елене Костюкович, являющемся частью романа, тоже использует зеленый цвет: «Смотрю на зеленое – зелень еще свежая и блестящая – и глаз лечится» (469).

Даже этот спокойный и лечащий цвет может наполниться значением тревоги и даже болезненности. Когда Даниэль участвует в богослужении в городе Эмске, в Белоруссии, возле храма к нему подходит старушка, «сует она... зеленое большое яблоко – прими, батюшка, наше ядовитое яблочко... Скажи своему Богу, чтоб простил нас и на нас более не гневался. Он на нас за тех безвинно загубленных евреев Польнь – звезду свою наслал» (434).

Таким образом, через цветообозначение «в смыслообразовании эксплицируется механизм эмблемы»³.

Во вторую категорию человек может перейти, если не озабочен теоретизированием и «узким» взглядом на окружающих, а просто радуется жизни, относясь к людям сердечно. Такой человек уже не будет отыскивать в постороннем примет того, что они «одной крови», то есть одной религии, одной нации. Он сердцем оценивает. Мир его многоцветен.

Часто такой прорыв не становится постоянным, ему способствует чувство любви и счастья, гармонии с окружающим миром. Сочетание розового и зеленого используется в описании сна Терезы, который она видит незадолго до долгожданной беременности: «А вчера приснился странный... сон. Как будто у меня раскрывается живот... и

¹ Улицкая Л.Е. Даниэль Штайн, переводчик. М.: Эксмо, 2007. С. 495. Далее ссылки на данное издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.

² Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию. М.: Из-во АН СССР, 1957. С. 343.

³ Ивлева Т.Г. Автор в драматургии А.П. Чехова. Тверь, 2001. С. 5

из сердцевины вылетает дракон... с цветными и шелковыми крыльями в зеленых и розовых разводах» (380).

Разноцветье – символ радости жизни. Ведь скоро у этих людей появится ребенок. Он родится с синдромом Дауна, но принесёт счастье родителям. Выход Терезы и Ефима в другую категорию недолговечен, он завершится «сотворением кумира»: они будут считать своего сына отмеченным свыше. Ефим начнёт писать доносы на Даниэля, забыв, как тот помогал его семье и учил мыслить широко, принимать мир во всём многообразии.

Во время поездки в Рим Даниэль встречает двух молодых людей, которые приглашают его, незнакомого человека, укрыться от дождя с ними в телефонной будке, делятся нехитрой едой, «...совсем молоденькие хиппи, мальчик и девочка, обвешанные ожерельями и браслетами из ракушек и цветных камушков» (361). Такие люди не святые, но они научились «...жить по законам, которые всем известны, но которые каждый должен открыть заново, своим сердцем...» (295).

Третья группа – праведники. Она самая немногочисленная. Автор устами своей героини, матери Иоанны, говорит о таких людях: «Святой – существо тихое, незаметное, спит под лестницей, одет неприметно. Надо долго смотреть, чтоб разглядеть» (415). В их мировосприятии цвета и кроющиеся за ними мировоззрения людей несущественны. Поэтому по отношению к ним Улицкая применяет световую деталь. Человек, несущий добро, – светлый. Об одном из них пишет отец Михаил: «...из породы праведников, светится» (313). Свет появляется в романе 79 раз, тьма – 23 раз, на границе этих символов – 6 раз возникает огонь и пламя.

Все персонажи расположены в романе вокруг главного героя – Даниэля Штайна, несущего и олицетворяющего собой свет. Все цвета, используемые автором в его описании, восходят к категории света. Солнечный, золотой, зеленый, черный и, безусловно, белый цвет соотносятся с категорией света как цвета традиционно связанные с образом Бога в разных религиях.

Автор настойчиво чередует свет и тьму: «... и вот он открылся темным простором с далекими огнями и береговой полосой, окантованной двойной цепью фонарей» (507). Затем мы читаем описание аварии, главным цветом в которой является огонь: 4 раза употребляется слово «огонь», словосочетания «красный шлейф», «огненный клин», который был «ярко-алый, светлый и живой» (507).

Слово «огонь» является связующей нитью. Такой же, как и огонь светлый и «живой» был Даниэль Штайн, о котором автор пишет: «У существа, развернувшегося в целый мир, был и меч, и глаза, и пламя, но в нем заключался и весь Даниэль, непроглоченный, как Иона китом, а включенный в состав этого мира» (515).

В изображении святых автор использует цвет в его символическом значении. При описании другого праведника, Рафаила, появляется эпитет «бесцветный», «прозрачный». «...в выгоревшей до бесцветности среднеазиатской тубетейке» (231). Свет, прозрачность – символ святости, праведничества, некой избранности и отмеченности свыше. Эстер Гартман, в восприятии Эвы Манукян, «прелестная прозрачная старуха, очень белая, с высиненной сединой» (9). Эстер, женщина, пережившая множество темных моментов, была абсолютной праведницей, терпимой, мудрой, умеющей прощать, принимать и, главное, любить.

А «высиненная седина» и чуть дальше появляющиеся «голубая прическа» и «синие туфли» (9) не выпадают из ряда символа святости, а гармонично входят в него. Главное значение синего и голубого цветов – небо, Матерь Божия.

«Белый голубь» на «картине» Благовещения, о которой пишет Хильда своей матери, – это традиционный христианский символ. «Белые носки» и «белая сутана» Папы, с которым встречается Даниэль, это и цвет одежды, и одновременно отличительные знаки главного католика Мира, человека, принявшего широту взглядов Даниэля.

Таким же «белым» предстает перед нами в предсмертные минуты профессор Нойгауз, пожелавший перед смертью увидеть Даниэля.

Человек, проживший светло и чисто, тоже хочет уйти достойно. Разговор их, казалось бы, далекий от серьезных философских размышлений, без подготовки переходит к самой высшей инстанции. Нойгауз говорит: «Видишь, ухожу... ухожу к моему учителю, к твоему Богу» (503).

Близок белому по своему значению золотой и рыжий цвет.

Эва, вспоминая детство, говорит об истинной вере, жившей в ее душе. Однажды в церкви после страстных молитв она «поднесла венец золотистому епископу и услышала ангельское пение» (67). Единение маленькой девочки с Богом происходит в ореоле золотистого сияния. Тем же символом божественного просветления является «золотой дождь» на картине «Благовещение». Иоанна, обретшая утраченное зрение после операции, радуется величию и красоте Бога: «В воскресенье в церковь пришла – все сияет! Свету полно! И все мне кажется золотым – и иконостас, и окна. Ох, как же грустно было без солнца жить» (414).

Золотистый цвет используется в описании Мусы. Хильда, влюбленная в Мусу и чувствующая такую же глубокую влюбленность, исходящую от него, пишет: «Он весь был золотистым и коричневым, как скорлупа лесного ореха, но тело его не было жестким, оно было мягким и плотным, и он умел плакать от любви» (150).

Родственность двух душ на фоне абсолютной веры в Бога, на фоне чудесной природы земли обетованной, слияние их тел – это тоже проявление Бога, оно прекрасно и возвышенно.

Стилистическая особенность текста: все письма, дневники, воспоминания написаны нарочито нейтральным, как бы усреднённым и упрощённым языком, как перевод, сделанный автором с разных языков, оттого и утрачено значение собственно цвета как элемента мира вещей. Но огромную значимость приобретает символика цвета как части художественного мира произведения, что характерно для современного романа. «Автор не столько следует правде жизни, сколько добивается зрительной выразительности, художественной эффективности детали... Цветовая деталь делает описываемое не только зримым, но и броским, несколько неожиданно-непривычным, а потому воздействующим на воображение»¹.

Можно говорить и о сформированности системы цветовой детали в романе. Модель мира, созданная автором, построена на символическом использовании цвета. Улицкая стремится воздействовать на чувства и воображение читателей не каким-то определённым цветом, а гаммой цветов, вступающих во взаимодействие.

¹ Веллер М. Технология рассказа <http://semend.narod.ru>